

Плотить плотины и мостить мосты

Без плотин не обходилось и заводское производство — водяной двигатель был по тем временам самым надежным. В 1719 г. строили плотину на реке Сестре. Чуть позже там был основан Сестрорецкий оружейный

Кузница. С русской гравюры

¹³⁶ Там же. Д. 19а. Л. 151; Д. 5г. Л. 22.

¹³⁷ Там же. Д. 10а. Л. 265 об.

¹³⁸ Там же. Д. 33а. Л. 98—100.

завод, а высланные из Олонца, Тулы и Москвы мастерские стали жителями заводской слободы. Согласно смете, предполагалось забить в землю 7 тысяч бревен длиной 10, 12, 13 сажень (21,1; 25,6; 27,7 м) и толщиной «в отрубе» (т. е. в самом толстом месте) 8, 9 и 10 вершков (35,6; 40 и 44,5 см), 3 тысячи бревен длиной 10, 12, 13, 14 сажень (29,9 м) и толщиной 11 и 12 вершков (49 и 53,5 см), 10 тысяч бревен длиной 12 и 13 сажень (25,6; 27,7 м) и толщиной 7 и 8 вершков (31,2 и 35,6 см). Кроме этого невероятного объема строевого леса (20 тысяч бревен) строители требовали 2 тысячи «плашья» шириной 5, 6, 7 вершков (22,3; 26,7 и 31,2 см), а также 12 тысяч 12-дюймовых гвоздей, тысячу пудов железных полос, 600 лопат и ломов.¹³⁹

Все эти цифры нужны нам, чтобы хотя бы примерно оценить масштабы и размах стройки. Подсчеты, произведенные специалистами, к которым я обратился за помощью, показали, что на возведение плотины ушло минимум 62 156 кубометров леса. Сейчас, чтобы доставить этот лес в Сестрорецк, потребовалось бы 1040 вагонов, то есть 20 эшелонов. А речь идет о всего-навсего одной плотине!

Из описания строительства плотины в Стрельне в 1721 г. видно, что вначале рабочие забивали в землю несколько рядов свай, на которые накладывали связи — брусья на шипах, — и скрепляли их поперечными брусьями. После этого следовало «за сваи покласть фашины и забить накрепко синею глиною». Иначе говоря, образованные забитыми сваями и брусьями ячейки заполняли фашинами, камнями и глиной. В данном случае речь идет об особом сорте глины, которую геологи характеризуют как «голубовато-серую, жирную, пластичную с кристаллами пирита»,¹⁴⁰ она отличается особой водонепроницаемостью. Глину, согласно документам, для утрамбовки «мяли волами» — водили животных по кругу.¹⁴¹ Кроме того, фашины, как писал в 1720 г. подрядчик, уплотняли — «убивали каждую фашину тремя деревянными кольями»,¹⁴² что, по-видимому, укрепляло все сооружение.

Фашины — пучки березовых или липовых прутьев — были двух основных размеров: «большей руки длиною 6 аршин (4,3 м. — Е.А.), толщиной в 7 и в 8 вершков (31 и 35,6 см. — Е.А.)» и «меньшой руки». Их было принято «вязать... березовыми витыми прутьями в 4-х местах». Для плотин требовалось по многу десятков тысяч фашин. Их вязали солдаты или поставляли подрядчики.¹⁴³ Стоили они суший пустяк — в 1718 г. упомянутый подрядчик Караваяев подрядился поставить 6 тысяч фашин за 160 руб., то есть по 2,6 коп. за фашину.¹⁴⁴ Можно сказать, что кроме

¹³⁹ Там же. Д. 5г. Л. 915.

¹⁴⁰ Геологический путеводитель по каналу им. Москвы и Волго-Балтийскому водному пути им. В. И. Ленина. Л., 1968. С. 201.

¹⁴¹ РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Д. 106. Л. 265.

¹⁴² Там же. Оп. 2. Д. 11а. Л. 17.

¹⁴³ Там же. Оп. 1. Д. 13а. Л. 128, 222; Д. 12а. Л. 338.

¹⁴⁴ Там же. Д. 4в. Л. 208.

бесчисленных свай в землю Петербурга положено бесчисленное же количество фашин. Ими уплотняли грунт, выкладывали болотистые места, а также ложе дорог. В 1722 г. было решено на Выборгской стороне положить «кругом всея гошпитали пять тысяч фашин длиною двух сажен, толщиною в поларшина» (35 см). Чуть позже там же закопали еще 30 тысяч фашин.¹⁴⁵ Так поступали и в других местах стройки, с помощью фашин строили участки дороги Москва — Петербург.

Другой способ создания дорог — установка так называемых «мостов». Современный глагол «мостить» прочно ассоциируется в нашем сознании с укладкой булыжной мостовой. В петровское время «мостом» назывался не только привычный нам мост через речку, но и деревянный тротуар. Такие гулкие дощатые тротуары сих пор сохранились в Архангельске и в других северных городах России. В 1718 г. плотники-подрядчики писали в челобитной, что «мост, который был у Троицы, снесло большею водою к Поместному приказу (т. е. к зданию канцелярий на Троицкой площади. — Е. А.) и ево на себе носили к Троице, и сызнава перемостили». Ф. В. Берхгольц в 1721 г. писал о Троицкой площади, что она «вся была устлана досками, положенными на бревна потому, что место там очень болотисто и невымощено».¹⁴⁶ Из другого документа, написанного уже после петербургского наводнения 1723 г., следует, что такие же мосты стояли и в других частях Троицкой площади, в частности — у Гостиного двора.¹⁴⁷

На Адмиралтейской стороне мостили и так, как сказано выше, и в современном понимании этого термина: в 1721 г. подвозили «к Почтовому двору на мощение мостов дикого камня 20 сажен».¹⁴⁸